

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

ГОРОДСКОЙ
ТАРИФ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке Geliographic

Маринина, Александра.
М26 Городской тариф / Александра Маринина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (А. Марини-
на. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-91009-0

Дело вроде совсем простое: бизнесмен средней руки убил свою любовницу и пустился в бега. Найти его — дело времени. Но чем больше Анастасия Каменская и ее коллеги собирают информацию обо всех фигурантах, причастных к этой истории, тем запутаннее начинает выглядеть преступление. Похоже, это вовсе не рядовое убийство, за ним вырисовываются неясные, но мрачные контуры какой-то организованной системы, безжалостно перемалывающей человеческие судьбы. В рамках этой системы все имеет свою твердую цену, в том числе и человеческая жизнь, причем она-то стоит совсем недорого. Каменская и не подозревает, что ее тоже оценили и теперь она невольная участница масштабной и циничной игры, исход которой совершенно непредсказуем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91009-0

© Алексеева М. А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Жить с чувством вины невыносимо, но Павел Седов об этом не догадывался. У него, как и у всех людей, были в жизни обстоятельства, думая о которых он должен был бы испытывать это самое чувство, но, как и большинство, он ловко уворачивался от неприятных мыслей, и они в голове как бы и вовсе не возникали. Не было их там. Поэтому в отношениях с семнадцатилетней дочерью Соней он выстраивал педагогически выверенную, как ему казалось, линию строгости, подразумевавшую отсутствие излишнего баловства.

С Соней он встречался регулярно, примерно раз в две-три недели, водил ее поужинать в ресторан, вел пристрастный родительский допрос о школьных успехах, выслушивал все то, что дочь считала нужным рассказать о матери, бывшей жене Павла, делал подарки, не очень дорогие, предназначенные исключительно

но для демонстрации отцовской заботы. Попыткам же Сони повысить уровень притязаний он упорно противостоял.

— Пап, а ты в Новый год что собираешься делать?

Об этом Седов пока не думал, рано еще, ноябрь только-только начался. Да и неизвестно, может, дежурить придется. График дежурств до конца года уже вывешен, но мало ли что, заболит кто-нибудь, например, и тогда начнутся перестановки и подмены.

— Не знаю, — равнодушно ответил он.

— А давай поедем в Эмираты, а? Ну, пап, все нормальные люди ездят на Новый год туда, где тепло. Говорят, там так классно! У нас все девчонки уже ездили.

— И как ты себе это представляешь? — строго и недовольно спросил Седов.

— Ну как... Никак. Мы с тобой вдвоем поедем, вот и все. Отель можно по Интернету заказать, с билетами тоже проблем нет. Чего тут представлять?

— А мама? Ты оставишь ее одну на Новый год?

— Да ну, она все равно с Ильей будет встречать, на фиг я ей нужна? И вообще, я не собираюсь с ними сидеть всю ночь, очень надо!

— Ну хорошо, а Милена? О ней ты подумала?

— Ну ты, пап, вообще! Я что, о Милене твоей думать должна? Я твоя дочь и имею право поехать с тобой, куда захочу.

— Но Милена — моя жена, и она тоже имеет право провести праздник со мной. Хочешь, поедем втроем?

Разумеется, ни о какой поездке в Эмираты с Соней и речи быть не могло. Седов считал, что баловать детей до такой степени нельзя, но пусть лучше девочка сама откажется. А она совершенно точно откажется, потому что Милену терпеть не может.

— Да никакая она тебе не жена, вы же не расписаны! — фыркнула девушка. — Просто так живете... С Миленой не поеду. Сам знаешь.

— А почему бы тебе не поговорить с мамой и Ильей? Может быть, они захотят поехать?

— Ну да, конечно, — на хорошеньком Сонином личике отразилось презрение. — Захотят они, жди. У них столько денег нету. И вообще, этот Илья жуткий жмот, лишней копейки у него не выпросишь, только на самое необходимое дает.

— Но у него и нет, наверное, лишних копеек, — вступился Павел за любовника бывшей жены. — Он же не миллионер.

— Вот я и говорю... — неопределенно вздохнула она. — Не миллионер. Жениться — не женится, денег нет, толку от него никакого. И чего мама с ним возит-ся? Я бы на ее месте давно его бросила.

— И осталась одна? — Павел скептически приподнял брови.

Он давно привык к тому, что у Сони нет ни малейшего пиетета к родителям. Ему это, само собой, не нравилось, он пытался делать дочери замечания, дескать, нельзя высказываться о старших с подобным пренебрежением, но все впустую, и ему пришлось смириться. Уже не перевоспитаешь.

— Ничего, одна не останется. Не осталась же, когда тебя бросила.

Что-то слишком уверенный у нее голосок. Просто так ляпнула или имеет в виду что-то конкретное? Павел задал еще парочку наводящих вопросов, и ситуация прояснилась. Оказывается, у Натальи объявился новый ухажер, какой-то состоятельный тип, постоянно живущий в Австрии и открывающий в России очередную (не то третий, не то уже пятый) филиал своей фирмы. И намерения у него, как кажется Сонечке, вполне серьезные. Во всяком случае, к себе в Австрию он их уже пригласил. Пока в гости, а там...

— Ну и что мама? Согласилась? — вяло поинтересовался Седов.

— Как же, жди, — Соня болезненно скривилась. — Она своего Илью оставить не может. Что он скажет, да как он к этому отнесется, да это неприлично... Муть всякая. Ты бы поговорил с ней, что ли. Она тебя слушается.

— Сонька, не выдумывай, — рассмеялся он. — Ну как это я поговорю с мамой? О чем? О том, что она должна бросить человека, которого любит, и уехать с тем, кого едва знает? Ты что несешь?

— Да чего там любить-то?! — воскликнула Соня с отчаянием. — Ни рыба ни мясо этот ее Илья, толку от него никакого. А так жили бы в Австрии как нормальные люди.

Ему сильно не понравились уже второй раз произнесенные слова про «толк». Совершенно очевидно, что его девочка измеряет ценность людей исключительно по их платежеспособности. От Ильи толку нет, поскольку он не возит их с Натальей за границу и не делает роскошных подарков, а от австрийского бизнесмена толк, несомненно, будет. Ох, Сонька, Сонька! И когда же он ее упустит? Откуда такое отношение к людям?

В этот момент чувство вины чуть было не подало голос, ведь Седов развелся с женой пять лет назад, и можно было бы начать развивать тему отцовского невнимания к ребенку и так далее... Но Павел, об опасном чувстве не подозревающий, ловко увернулся, причем проделал это абсолютно инстинктивно, а потому безошибочно.

— А в самом деле, — задумчиво проговорил он, — почему мама и Илья до сих пор не поженились? Мама не хочет?

— Ну прямо-таки, не хочет она! Еще как хочет.

— Так в чем же дело? Он ведь свободен, насколько я знаю.

— Ну и что? Он козел, только мама этого не понимает. Твоя Милена небось тоже спит и видит за тебя

замуж выйти, а ты же на ней не женишься, хотя ты тоже свободен. Все мужики козлы.

— Соня!

— Ну ладно, ладно, пап, извини. Ты мне десерт еще закажешь?

— Конечно, — улыбнулся Седов и подозвал официанта.

Из всех ресторанов, куда он водил Соноу, этот был ее самым любимым, потому что была его девочка большой сластеной, а здесь в меню предлагался роскошный выбор десертов со взбитыми сливками, которые она обожала.

* * *

— Тетя Ира, а ты звезда?

Восьмилетний Гриша Стасов смотрел на Ирину Савенич серьезно и вдумчиво. Впрочем, он все в своей ребяческой жизни делал вдумчиво и серьезно.

— Нет, котик, я не настоящая звезда, я просто актриса второго плана, — так же серьезно ответила Ирина. — Но очень хорошая.

Коротков прыснул в кулак и отвернулся.

— Наверное, ты меня обманываешь, — Гриша обстоятельно рассуждал вслух. — Почему дядя Юра смеется? Если бы ты сказала правду, он бы не смеялся. Он смеется, потому что ты меня разыгрываешь.

Придя к этому бесспорному выводу, мальчик удовлетворенно замолчал и принялся что-то обдумывать. Пока он думал, Ирина продолжала быстро резать овощи, а ее муж с преувеличенно серьезным видом колотил кулинарным молотком по распластанным на доске кускам мяса. В кухню заглянула Татьяна, Гришина мать.

— Сынок, не мешай дяде Юре и тете Ире, иди к себе поиграй.

— Он не мешает, Танюша, — откликнулся Корот-

ков. — Он работает следователем. Весь в тебя. Устроил нам тут допрос с пристрастием.

— Да ну?

— Ну, — подтвердил он. — Ребенок интересуется знать, каковы масштабы Иркиной славы. Проще говоря, звезда она или нет?

— Ну и как, сынок, выяснил? — поинтересовалась Татьяна.

— Пока нет, — деловито сообщил Гриша. — Тетя Ира не отвечает на поставленный вопрос, уходит от ответа. Она считает, что я еще маленький и со мной можно не разговаривать серьезно.

— Господи, какой ужас! — Ира бросила нож и схватилась руками за голову. — Таня, как вы со Стасовым воспитываете ребенка? У него же нет детства. Ты только послушай, как он разговаривает! Как будто ему сорок лет, а не восемь.

— Мама, — внезапно подал голос Гриша, — я догадался. Тетя Ира настоящая звезда, и все об этом знают, только я один не знал, поэтому мой вопрос показался дяде Юре смешным. Правильно?

— Правильно, солнышко, — рассмеялась Татьяна. — Иди к себе, сейчас тетя Ира будет резать лук, и у тебя слезки потекут.

Гриша с достоинством покинул помещение. Даже угроза луковых слез не заставила его двигаться быстрее. Стасов всегда говорил, что его жена родила тройню: сперва Гришкину обстоятельность, затем Гришкину медлительность, а потом уж и самого Гришу.

Они праздновали День милиции. Правда, 10 ноября в этом году пришлось на будний день, поэтому договорились собраться у Татьяны и Стасова в ближайшую к празднику субботу. Обязанности разделили: Коротков пообещал при помощи жены приготовить какое-то совершенно невозможное мясо, Каменская и Чистяков должны были принести сладкое, с хозяев дома

причитались спиртное и легкие закуски. Ну а пироги, как водится, ожидались с приходом Миши Доценко, потому что лучше его благоверной их никто печь не умел.

Коротков и Ирина приехали пораньше, на приготовление «совершенно невозможного» мяса требовалось время, гости должны были явиться только через час. Татьяна еще раз проверила накрытый стол, убедилась, что все необходимое сделано и можно немного передохнуть, и налила себе чаю.

— Вот что значит сила привычки, — задумчиво проговорила она. — Празднуем День милиции, а милиционеров-то среди нас — раз-два и обчелся. Только ты, Юрик, да Настя. Стасов давно в отставке, я — недавно, Доценко тоже уже не служит.

— И Настюха, того и гляди, уйдет, — откликнулся Коротков. — Тогда вообще один я останусь. И наши ежегодные посиделки в День милиции будут собираться в честь одного меня. А я буду чувствовать себя героем и страшно гордиться. Тань, мне миска нужна, побольше и поглубже.

Татьяна выдала ему глубокую широкую миску, в которую Коротков принялся складывать отбитое мясо.

— Насчет Насти — это ты серьезно? — спросила она. — Она действительно собралась уходить?

— А куда ей деваться? Ей сорок пять исполнилось. И с Афоней нашим ей не ужиться, он ее поедом ест. У Каменской диссертация почти готова, ей предлагают на кафедру переходить, должность полковничья, так что звание она получит. А под Афоней ей ничего не светит, он категорически отказывается ее в должности повышать. У нас уже почти весь личный состав разбежался, только самые толстокожие вроде меня могут терпеть его придурь. Правда, Афоня на повышение собрался, со дня на день нового начальника представят, но он, боюсь, будет еще хуже.

— Кто таков — известно?

— Известно. Молодой и резвый, из центрального аппарата. Афонино хамство Настя еще кое-как терпела, все-таки они ровесники. А представляешь, что с ней будет, если ей какой-то сопляк нахамит? Да она двух минут на службе не останется.

— Ну почему ты думаешь, что он обязательно нахамит? — с упреком сказала Ира. — Может, он окажется нормальным, здравомыслящим, воспитанным мужиком.

— Ой, не смей меня, — фыркнул Юра. — Где ты таких видела? Даже в вашем хваленном кино таких уже давно нет, а уж в милиции-то и подавно. Если Настюха уйдет, вообще работать не с кем будет, один Серега Зарубин останется, все остальные — молодняк необученный.

В кухне снова появился Гриша, и по его сосредоточенной мордашке было понятно, что у ребенка созрел очередной животрепещущий вопрос.

— Мама, а когда Ира придет, как мы их различать будем?

— Кого — их?

— Ну, нашу Иру и тетю Иру, — он кивнул в сторону Ирины Савенич. Их же зовут одинаково, как же их различать?

Под «нашей Ирой» мальчик подразумевал жену Миши Доценко Ирочку.

— По лицу, — дал дельный совет Коротков.

— Дядя Юра, я серьезно спрашиваю. Надо придумать им отдельные имена, чтобы никто не путался. Пусть наша Ира будет Наша Ира, а ваша тетя Ира будет просто Ира.

— Интересно, — возмутился Коротков, — а моя Ира, выходит, не наша, что ли? Нет, так не пойдет.

— Тогда пусть будут Ира Большая и Ира Малень-

кая, — выступил Гриша с новой инициативой. — Тетя Ира же высокая, а наша Ира маленькая.

— Ты еще скажи, что я толстая, а ваша Ира худенькая, — заметила Ирина, смешивая в стеклянной салатнице какой-то сложный соус.

— Но... — начал было Гриша и осекся, поймав предостерегающий взгляд Татьяны.

Всем было очевидно, что он собирался сказать: «Но ты же и в самом деле толстая, а наша Ира худенькая». Проблема веса была для Ирины Савенич болезненной и постоянной. То есть для просто красивой тридцатипятилетней женщины она выглядела отлично, но для актрисы была крупновата и много лет боролась с килограммами, которые так и норовили скопиться и укорениться на талии и бедрах. Татьяна опасалась, что ее не в меру прямолинейный ребенок ненароком обидит гостью, и постаралась перевести разговор на что-нибудь более безопасное, но обстоятельный Гришенька не желал мириться с тем, что вопрос не решен, и предлагал все новые и новые варианты. Дискуссию прервал звонок Миши Доценко, который удрученно сообщил, что его мама плохо себя чувствует и посидеть с восьмимесячной внучкой не может, а посему его жене Ирочке придется остаться дома с ребенком. А сам он уже упаковал пироги в коробку и через десять минут выходит.

— Ира не придет? — уточнил Гриша. — Значит, можно пока ничего не придумывать.

И гордо удалился.

* * *

— Ну, Виктор Алексеевич, ну давайте поедем к Стасову, а? Там Коротков какое-то необыкновенное мясо сооружает, мы с Лешкой полную машину сладких вкусовостей везем. Повидаемся, посидим все вместе. А, Вик-

тор Алексеевич? — уговаривала Настя Каменская своего бывшего начальника.

Она заехала к Гордееву, чтобы поздравить его с профессиональным праздником и вручить подарок, который покупали коллективно от имени всех, кто работал когда-то под его началом. Ее муж Чистяков должен был через пятнадцать минут ждать Настю на улице, в машине, и она надеялась за оставшиеся четверть часа все-таки уломать Колобка и привезти его туда, где собиралась компания.

— Не могу, Настасья, ну вот ей же крест — не могу! — божился полковник в отставке. — Ты ж должна понимать: внук — это святое.

Старший внук Виктора Алексеевича успешно занимался в динамовской секции дзюдо, и именно сегодня у него должны состояться ответственные соревнования. Разумеется, и речи быть не могло о том, чтобы не прийти поболеть за парнишку. Иначе — смертельная обида.

— Просто вы нас уже не любите, — удрученно вздыхала Настя. — Как ушли в отставку — так и забыли нас. С глаз долой...

— Да никого я не забыл, — сердился Гордеев. — И люблю, и скучаю. Но внук же, пойми ты. Вот уйдешь со службы — я посмотрю, как ты будешь выбирать между бывшими коллегами и действующим мужем или братом. Посмотрю-посмотрю!

От этих слов Настя окончательно расстроилась. Перспектива ухода ее пугала, бросать работу не хотелось отчаянно, но и служить дальше казалось невозможным. К Афанасьеву, пришедшему руководить отделом после Гордеева, она кое-как притерпелась, но Афоня собрался на повышение, и уже в понедельник им представят нового начальника, с которым — Настя была на двести процентов уверена — она не сработается. Новый назначенец, как ей сказали, довольно мо-

лод, а какой же молодой руководитель потерпит под своим началом старых опытных работников, которые лучше его знают, как и что надо делать?

— Ну чего ты киснешь, Стасенька? — ласково спросил Виктор Алексеевич, заметив ее огорчение. — Уходить совсем не страшно, поверь мне. Вот я вышел в отставку, полгода дома посидел, отоспался, книжек начитался, телевизор насмотрелся, с внуками натешкался, а потом пошел работать — и прекрасно себя чувствую!

— Сравнили! — горестно усмехнулась она. — Вы у собственного сына работаете, службу безопасности в его фирме налаживаете. Ваш шеф вас не только уволить не может, но и даже голос на вас повысить. А где мне такую работу найти? Кому я нужна? Сорок пять лет, да еще женщина. Меня даже в секретарши никто не возьмет.

— Ты давай-ка не придуривайся, — строго прикрикнул Гордеев. — При чем тут секретарша? Тебя же на кафедру приглашают, должность доцента дают. В мое время доцентом без кандидатской степени не назначали, можно было рассчитывать максимум на старшего преподавателя. А тебе — вишь! — какая удача привалила, а ты куксишься.

— Это не удача, а обыкновенный кадровый голод. Преподавать некому, вот и приманивают должностями. И потом, я через неделю на кафедре обсуждаюсь, все равно понятно, что где-то через полгода я буду защищаться. Но я не хочу преподавать!

Настю охватило такое отчаяние, что она чуть не расплакалась. Конечно, после этого разговора настроение у нее испортилось донельзя, и в машину к мужу она садилась мрачная и молчаливая. Алексей давно уже перестал в подобных ситуациях задавать вопрос «что случилось?». Чего спрашивать, когда все и так ясно. С того дня, как Насте исполнилось сорок пять, то

есть в последние пять месяцев, причина для плохого настроения была у нее всего одна, но зато постоянная: необходимость принимать решение об уходе из уголовного розыска. Полтора года назад она решила, что нужно написать и защитить диссертацию, чтобы в критической ситуации было куда уйти, не снимая погон. Но тогда ей казалось, что времени еще много, целый год, а год этот оказался почему-то самым скоротечным в ее жизни, и вот момент принятия решения настал, а она оказалась к нему не готова. Не может она бросить эту работу, такую тяжелую, неблагодарную, изматывающую, но такую любимую! И бросить не может, и оставаться возможности нет.

— Колобок говорит, уходить не страшно, — негромко проговорила она, не глядя на Лешу.

Это была первая фраза, которую Настя произнесла по дороге к дому Стасова. До этого момента они с Лешей словно разговаривали молча, читая мысли друг друга и отвечая на не высказанные вслух вопросы, и слова ее прозвучали просто как продолжение давно ведущегося разговора.

— Асенька, на самом деле страшно только терять близких и умирать самому. Со всем остальным можно легко справиться. Ты посмотри на Стасова: он уже десять лет как снял погоны — и живет себе припеваючи. А Мишка Доценко? Тоже ведь не жалуется.

— Еще бы ему жаловаться, — невесело усмехнулась она. — Он у Стасова работает. И потом, они оба — мужики.

— Ну хорошо, а Татьяна? — не сдавался Чистяков. — Она-то не мужик. Вот мы сейчас приедем — ты с ней поговори, и убедишься, что и у нее все в полном шоколаде. А она, между прочим, вообще не работает, дома сидит, ребенка воспитывает, хозяйством занимается. Ася, я понимаю, для тебя главная проблема — отношения с начальством, тебе только с Гордеевым было хо-

рошо, с любым другим начальником на любой работе тебе будет плохо, даже если ты в своем любимом розыске останешься. Второго Гордеева у тебя никогда не будет, это очевидно, поэтому, где бы ты ни работала, тебе всегда будет некомфортно. Уходи со службы, сиди дома, читай книги, наслаждайся жизнью. Татьяна тебе подтвердит, что я прав.

— Таня дома работает, книжки свои пишет. А я что буду делать? Щи тебе варить? Носки стирать?

— Между прочим, ничего плохого в этом нет.

Настя умолкла. Бессмысленный разговор, тысячу раз повторенные слова, многократно опробованные аргументы, и все это ни к чему не приводит. Не может она принять решение. Не может.

* * *

С Татьяной они не виделись почти полгода. Регулярно общались по телефону, а повидаться все времени не было. Татьяна показалась Насте слегка пополневшей, но это вполне могло быть ложным эффектом, который создавало светлое свободное покроя платье.

— Цветешь, молодая пенсионерка, — бодро заметила Настя, целуя хозяйку дома.

Она решила взять себя в руки и не показывать плохого настроения. Праздник же все-таки!

— Цвету, — с улыбкой согласилась Татьяна.

Доценко с пирогами уже прибыл, ждали только Стасова, у которого в субботний день случились-таки какие-то неотложные дела на работе. Настя улучила удобный момент, чтобы поговорить с Татьяной наедине.

— Тань, как тебе на пенсии сидится? Нормально?

Татьяна внимательно поглядела на нее, потом кивнула, словно соглашаясь с какими-то своими мыслями, и осторожно прикрыла дверь в кухню, где они обе в эту минуту находились.

— Значит, Коротков не ошибся? Собираешься уходить?

— Не знаю. Страшно, — призналась Настя. — Колобок говорит, что не надо бояться, что это совсем не страшно и все будет отлично. Мишаня, кажется, тоже доволен. А ты что скажешь?

— Я? — Татьяна выгасила из пачки сигарету, прикурила, сделала несколько затяжек. — А ты что, не видишь сама?

— Что я должна видеть? Ты прекрасно выглядишь...

— Ну конечно. Ты не замечаешь, как меня разнесло? Я поправилась за полгода на десять килограммов.

— Как — на десять? — ахнула Настя.

Значит, ей не показалось, Татьяна действительно пополнила.

— Только не делай вид, что это незаметно, — грустно улыбнулась та.

— Ну... чуть-чуть...

— Чуть-чуть — это потому что платье такое, скрадывает формы. А на самом деле — тихий ужас. Плохо мне, Настюша, очень плохо. А выгляжу я хорошо, потому что два часа макияж делала и настроение к приходу гостей специально поднимала. Видела бы ты меня умытую. Краше в гроб кладут.

— Так ты болеешь, что ли? — испугалась Настя.

— Ага, болезнь называется «дурь». Или депрессия. Знаешь, я когда уходила со службы, так радовалась! Думала, вот наконец выплусь, ребенком займусь, времени свободного — уйма, книги свои буду как пирожки печь, кучу денег заработаю. А что вышло? Целыми днями сижу на диване и плачу. Иногда даже рыдаю. За полгода ни строчки не написала, из издательства звонят постоянно, а мне им даже ответить нечего. Ни к чему руки не лежат, ничего делать не хочется, только свернуться калачиком на диване и реветь. Стасов не знает, что со мной делать, он, по-моему, придумывает

себе всякие занятия на работе, чтобы не приходиться домой слишком рано и не созерцать целый вечер мою зареванную физиономию. Я уже опухла от постоянных слез. Теперь я понимаю, почему люди, выйдя на пенсию, начинают болеть и быстро стареть.

Она говорила спокойно, почти весело, словно подшучивая над собой, но Настя видела, что на самом деле Татьяна чуть не плачет.

— Неужели так тяжело? — спросила она с сочувствием.

— Очень.

Татьяна помолчала, глядя в окно, потом быстро вытерла выступившие слезы.

— Нельзя так резко... Всю жизнь прожила под словом «надо». Надо утром встать, умыться, одеться и идти. В детский садик, в школу, в университет, на работу. Все время надо, надо, надо... Казалось, это слово меня задушит, задавит, мне так хотелось от него избавиться, сбросить с себя, проснуться утром в будний день и понять, что НЕ НАДО. Что можно не вставать, не одеваться и никуда не идти. Я думала, что этого мне будет достаточно для полного счастья, потому что все остальное у меня уже есть: любимый муж, любимый сын, друзья, дело, которое приносит хороший доход. А оказалось, что все не так. У меня нет ни одного повода чувствовать себя несчастливой, а я чувствую. И объяснения этому нет. Нет объяснения, понимаешь? — она повысила голос, и в нем зазвучали истерические нотки. — А есть только слезы и ощущение, что идти больше некуда, и жизнь кончилась, и в ней больше не будет ничего радостного и светлого. Это и называется депрессией.

Настя сидела ссутулившись, смотрела неподвижными глазами на яркую коробку с конфетами и не знала, что сказать.

— Так что если тебе нужен мой совет, — продолжа-

ла Татьяна после паузы, — то не уходи со службы. Мужикам это почему-то дается легче. То ли они устроены по-другому, то ли у баб ощущение конца жизни появляется раньше... Не знаю. Но если ты еще можешь работать — не уходи. Сидение в четырех стенах, при всей кажущейся привлекательности, счастливой тебя не сделает, это точно.

Настя открыла было рот, чтобы сказать, что ей сделали предложение о переходе на преподавательскую работу, но дверь распахнулась, и в кухню ворвался негодующий Коротков.

— Девчонки, ну что за бардак! Мясо через десять минут будет готово, а мы еще по первой не выпили и закуску есть не начинали. Тань, давай без Стасова садиться за стол, сколько можно его ждать.

— Давай, — согласилась она. — Пошли, будем сидеться.

За столом Татьяна была оживленной, смеялась, ухаживала за гостями, и Настя, исподтишка наблюдая за ней, думала о том, что чужой опыт все равно не заменит собственного. Колобок говорит, уходить не страшно, Татьяна утверждает, что лучше этого не делать. Кто из них прав? Все равно не узнаешь, пока сам не попробуешь. Надо принимать решение. Но, боже мой, как не хочется!

* * *

Он считал, что в последнее время ему не очень-то везло. Нет, не так, — поправлял он сам себя, — не в последнее время, а до последнего времени. Потому что, решив прервать полосу сплошной безденежной обломной невезухи, он придумал, как можно срубить бабки, а начав осуществлять свой хитрый замысел, внес в него некоторые коррективы и понял, что все должно получиться еще легче, чем планировалось.

Батарея была приятно теплой, в домах уже топили,